

СТРАСТЬ РОЖДАЕТ УСПЕХ

ФРАНСУА-ПОЛЬ ЖУРН, F. P. JOURNE



— F.-P. Journe,
Elegante, 2014



— F.-P. Journe,
Elegante, 2014



ИВАН ТАРХАНОВ

Франсуа-Поль Журн представил первую в истории своей марки женскую коллекцию Elegante. Это настоящие *montre femme*, которые не надо заводить и на которых не надо выставлять время. Если 35 минут они находятся в абсолютном покое, механические часы останавливаются и включается электронная часть механизма. Стрелки не двигаются, однако микропроцессор продолжает отсчет времени. Как только часы снова надевают, они автоматически возвращаются в рабочий режим и стрелки принимают правильное положение.

— Это настоящая сенсация — женские часы Журна, электронные часы Журна, цветные часы Журна. Вы все-таки решили сделать часы для женщин?

— Я уже делал в 2003-м часы Octa Divine, предназначенные для жен моих клиентов. В итоге я решил, что часы для женщин не должны быть механическими, и начал работать над Elegante. Мне приходилось создавать немало дорогих и очень дорогих часов, но это оказался самый дорогой проект из всех да к тому же растянувшийся на три лишних года. Если бы я знал, что работа займет восемь лет, я бы и не взялся. Очень тяжело делать часы для женщин.

— Может, надо было спросить женщин, какие им нужны. И почему вы не готовы дать им сложные механические часы?

— Функция часов — показывать время. Большинство встреченных мною женщин мне всегда давали часы, чтобы я правильно их выставил или завел. Электроника — то, что им нужно. Но не всякая электроника. Я сначала попросил женщин нарисовать мне часы — ничего не получилось, и я решил: буду рисовать сам. Потом в течение трех лет я показывал все новые и новые прототипы моим доверенным клиентам, людям, для которых я работаю, а они смотрели и говорили: нет, это не ваши часы, это не годится, это может сделать кто угодно, а не только Журн. И вот наконец-то получилось. Мне

самому нравится, как эти часы засыпают и просыпаются. Это как театр. Я держу их у себя в ателье, каждое утро беру их в руки и радуюсь тому, что стоит к ним прикоснуться, они оживают.

— Это уже не просто усложнение, а целая маленькая история.

— Конечно. Когда я думал о концепции этих часов, я представлял себе трех женщин. Они встречаются выпить чаю после Рождества и показывают друг другу свои подарки. У одной Patek Philippe Twenty 4, у другой — Cartier Ballon Bleu. Прекрасные часы, но тут третья говорит, что ей подарили часы Журна, которые умеют засыпать и просыпаться. В этот момент ее подругам ничего больше не остается: «Мы тоже такие хотим. А нам?»

— То есть вы даете возможность людям поговорить о ваших часах. Это важно — уметь объяснить, что ты носишь. Тогда это тебе нравится. Точно так же, как вам нравится эту историю для них придумывать.

— Я по-другому не могу. Я помню, что плохо учился в школе, науки меня мало интересовали, и меня отправили в техническое училище. Первое задание там — сделать свои инструменты. Мне было так приятно работать пилой и дрелью, а когда тебе нравится, все получается. Я думаю, что мог бы проектировать и не часы, а, скажем, автомобильные моторы. Успех рождает страсть, а страсть рождает успех.

— Вы готовы к успеху новой модели?

— Мы на него рассчитывали, когда расширяли мануфактуру и добавляли к ней еще один этаж.

— Удивительно, что вы обосновались в старом здании в центре Женевы, а не на окраинах, как многие марки.

— Я люблю город. Когда мы поселились здесь, у нас была совсем небольшая часть здания. Но нам повезло, мы смогли его купить полностью и превратить в часовую мануфактуру. Если бы пришлось ехать за город, поехали бы, но без всякого удовольствия. Потому что я уверен, что корове хорошо на ферме, а человеку — в городе.

— Думаете, в часах существует мода?

— Думаю, что существует, но мода приходит и уходит. Именно поэтому от нее лучше держаться подальше. Есть мода на классику, есть мода на что-то очень современное, — вроде того, что делает Richard Mille или Franck Muller. Это здорово, плохо лишь то, что однажды это выходит из моды и перестает нравиться. А вот часы, которые делаем мы, они из моды не выйдут, хотя мы все-таки следуем тенденциям, например в размерах. Тут не поспоришь, люди постепенно привыкают к другим размерам. Взгляните хотя бы на автомобили, они становятся все больше и больше.

— Что вы думаете о гонке за сверхтонкими механизмами?

— Я видел новые часы Piaget. Очень хорошие. Но это не соответствует тому, что делаю я. Есть предел тонкости, когда часы начинают терять в точности. Мне кажется, гонка подходит к концу, к этому естественному пределу. Тут нужно выбирать — или-или. Это как скелетированный механизм, который часто красив, но никогда не точен, потому что необходимо, чтобы механизм не вибрировал и резонанс не влиял на ход часов.

— В своих проектах вы исходите из художественного образа или из сформулированной задачи?

— Каждый раз я стараюсь решить задачу, иногда не представляя себе, в какой форме она будет решена. Когда я делал сверхлегкие часы из алюминия, я не собирался делать именно спортивные часы. Просто когда я сделал из модифицированного алюминия точно такие же часы, как делал из платины, я понял, что это не годится — им нужна другая форма. Если бы у меня были деньги, я бы делал часы только для себя и только по своему вкусу. Но я и работаю прежде всего для себя — ну кроме вот этой женской модели, надо сказать.

Беседовал Алексей Тарханов